

РУССКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА: ОТ ТЕОРИИ ПРОГРЕССА К ТЕОРИИ ЦИКЛОВ

© 2015 г. Вячеслав Николаевич Жуков¹

Аннотация: в статье рассматриваются теоретико-методологические основания социологии права Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. Показывается связь позитивистской, естественнонаучной методологии с их религиозными и консервативными установками. Русская социология права анализируется в контексте теории циклов.

Annotation: the article discusses theoretical and methodological foundations of sociology of law N.Ya. Danilevsky and K.N. Leont'ev. Shows the relationship positivist, natural science methodology with their religious and conservative attitudes. Russian sociology of law is analyzed in the context of the theory of cycles.

Ключевые слова: социология права, теория циклов, теория прогресса, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, позитивизм.

Key words: sociology of law, theory of cycles, theory of progress, N.Ya. Danilevsky, K.N. Leont'ev, positivism.

Формирование социологии и социологии права шло под эгидой идей эпохи Просвещения. Рационализм, вера в созидательные возможности человеческого разума и всеобщий прогресс человечества были мировоззренческой платформой для социологов позитивистской, марксистской и кантианской ориентации. Несмотря на различия в философских подходах, социологам второй половины XIX в., как правило, было свойственно в своем исследовательском поиске исходить из установки о разумной природе человека и его способности организовать общество, государство и право на рациональных основах. Такой подход нередко заканчивался созданием разного рода социальных утопий (социократия О. Конта, коммунистическое общество К. Маркса) или, как минимум, теорий о преобладающей роли рационального в жизни людей (идея рациональности у М. Вебера). На основе западноевропейского рационализма выстраивалась и концепция прогресса, которая исходила из способности человека и общества к бесконечному самосовершенствованию и построению на этой основе бесконфликтной, гармоничной социальной организации.

На рубеже XIX–XX вв., когда эпоха свободной конкуренции сменяется монополистическим капитализмом (что зафиксировали английские социологи Дж. А. Гобсон и Л.Т. Хобхаус), а классические институты западной демократии оказались в состоянии глубокого кризиса (П.И. Новгородцев

назвал это “кризисом современного правосознания”), социальный оптимизм социологов первой волны сменяется на разочарование и глубокий скепсис. Уверенность в силе человеческого разума, в прогрессе и линейности всемирной истории уступает место иррационализму, циклическому восприятию времени и откровенной реакционности. В большей или меньшей степени, прямо или косвенно пересматривается идейное наследие эпохи Просвещения, идет поиск новой мировоззренческой платформы для социологических исследований. Ревизия философско-методологических основ осуществлялась по всем основным направлениям. Позитивисты пересматривали классические положения контизма и эволюционизма, марксисты подвергали сомнению идеи экономического детерминизма, неизбежности классовой борьбы и установления диктатуры пролетариата, кантианцы считали необходимым дополнить теорию человеческой рациональности иррациональным компонентом. Особой критике подвергались классические формы позитивизма и марксизма, в них, как правило, усматривали концентрированное выражение одностороннего рационализма и необоснованного социального оптимизма.

В русской общественной мысли, всегда тесно связанной с главными проблемами дореволюционной России (земельный и рабочий вопросы, ограничение самодержавия, ликвидация культурной отсталости страны), критика позитивизма и марксизма, как правило, сопрягалась с политической борьбой консервативных кругов против революционного и либерального движения. Марк-

¹ Профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук.

сизм и позитивизм воспринимались не только как научные школы, но также как идеологическое оружие, направленное против самодержавия и традиционных общественных устоев. Позитивисты (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев), гегельянцы (Б.Н. Чичерин), кантианцы (А.С. Лаппо-Данилевский, П.Б. Струве, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, В.М. Хвостов), религиозные метафизики (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк), создавая альтернативные социолого-правовые теории, не просто вели научную дискуссию, но отстаивали, как правило, консервативные ценности уходящей России. Альтернативная социология права во многом была вызвана революционным брожением и страхом перед революцией со стороны господствующих классов и значительной части русской интеллигенции. Антипозитивистские и антимарксистские социолого-правовые доктрины в значительной мере отходили от естественнонаучной методологии, делали ставку на идеализм и религию, заменяя теорию прогресса религиозной эсхатологией. При этом в их арсенале оставались научная терминология, стремление выявить объективные свойства государства и права, отыскать их функциональные зависимости и локальные закономерности.

Воззрения на характер направленности истории распределяются на две крайние противоположные позиции – линейность и цикличность, между которыми бесконечный ряд смешанных вариаций. Полярность точек зрения здесь – не случайность, они вырастают из антиномий фактов самой истории. Вместе с тем историки, философы, социологи, пытаясь установить главный вектор человеческого развития, вынуждены искать собственные критерии и создавать свою систему ценностных координат, что неизбежно вносит в их концепции значительную долю субъективизма.

Напомним, что линейный процесс предполагает направленность, необратимость, сопровождается процессом роста, т.е. расширением, распространением, усложнением и дифференциацией явления. Процесс роста раскрывает внутренние потенциальные возможности, присущие изучаемому объекту с самого начала (т.е. обнаруживает свойства, закодированные в эмбрионе), продолжается непрерывно и не может быть остановлен, развивается постепенно, кумулятивно, проходит различные стадии, или фазы (юность, зрелость, старость). Линейные процессы бывают однолинейными (процесс придерживается одной траектории) и мультилинейными (процессы идут по нескольким альтернативным траекториям).

Однолинейные процессы могут быть восходящими (прогрессивными) и нисходящими (регрессивными). Разновидность направленных, необратимых процессов – нелинейные процессы, характерные качественными скачками и существенными отклонениями от магистрального вектора социального развития.

Социальный цикл не имеет определенной направленности, хотя и не является случайным. Любое состояние, в котором пребывает система, может повториться в будущем, так как повторение заложено в самой системе. Изменения происходят на коротком интервале времени, но на длительном отрезке времени – нет, поскольку система возвращается в исходное состояние. Циклические процессы делятся на процессы замкнутого цикла и открытого цикла (спиралевидные). Процессы замкнутого цикла могут быть регулярными (равные фазы), ускоряющимися (все более укорачивающиеся фазы) и замедляющимися (все более удлиняющиеся фазы). Среди процессов открытого цикла выделяют восходящие (прогрессивные) и нисходящие (регрессивные)².

Циклическое восприятие истории – наиболее раннее по времени возникновения. Идея социальных циклов присутствовала уже в мифологии многих культур Древнего мира (Индия, Китай, Египет), но на теоретическом и философском уровнях ее начинают обсуждать в древнегреческой философии (Гераклит, Платон, Аристотель, стоики, Полибий). Особенность циклического мировоззрения древних греков состояла в том, что оно в основном опиралось на ритмы природных явлений. Проведя довольно грубую аналогию между ритмами природы и общества, греческие авторы пришли, в частности, к выводу о круговороте форм государства. Конечно, насыщенность и калейдоскопическая быстрота политической жизни эллинов также повлияли на становление их циклического восприятия, но все-таки главный фактор – механический перенос ритмов природы на социальные явления.

Благодаря христианству мировоззрение европейских народов меняется с циклического на линейное, что сказалось и на общественном сознании. Начиная с первых христианских авторов, человеческая история, как правило, воспринимается как неуклонное, необратимое движение вперед – сначала в форме провиденциализма, позднее, в эпоху Просвещения, – в виде теории прогресса. В начале XIX в. реакция на европейские револю-

²См.: *Штомпка П.* Социология социальных измерений / Пер. с англ.; под ред. В.А. Ядова. М., 1996. С. 25, 136.

ции меняет интеллектуальную ситуацию: поднимается волна консерватизма и пессимизма, что сформировало благоприятную среду для возврата к циклической модели мира. Культурно-исторические типы у Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, локальные культуры у О. Шпенглера, замкнутые цивилизации у А.Дж. Тойнби – все эти концепции во многом продиктованы скептическим отношением к возможностям европейской культуры, ориентацией авторов на консерватизм, антилиберализм и национализм. Они поставили под вопрос универсальность европейских ценностей, предложили отказаться от европоцентризма. В XX в. теория циклов широко используется в различных отраслях знания: в экономической теории (циклы Н.Д. Кондратьева), социокосмизме (космические циклы А.Л. Чижевского), политической социологии (циркуляция элит В. Парето), исторической социологии (чередование суперсистем П.А. Сорокина) и т.д. При всей оригинальности этих концепций бросается в глаза их умозрительный характер и тенденциозный подбор фактов. В основе таких конструкций часто лежат умозрительные фикции, субъективные аксиомы, под которые подбирается нужный эмпирический материал.

В теории циклов Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева также наблюдаются два неравноправных компонента – идеологический (главный) и научный (подчиненный). Оба автора выстраивают конструкции, внешне основанные на естественнонаучном знании и позитивизме (в форме органицизма), но призванные обосновать политические и идеологические цели. Важная особенность их аргументации – апелляция к религии, что придает их концепциям иррациональный характер. Предмет внимания обоих авторов – государство, закономерности его происхождения, развития и функционирования. Притом, что идеологическая составляющая концепций Данилевского и Леонтьева ведущая, они ставят проблемы, представляющие несомненный интерес для социологии государства и права.

Данилевский – идейный наследник славянофилов, попытавшийся теоретически обосновать самобытность славянской (прежде всего русской) культуры, ее право на самостоятельное, независимое от Запада развитие. Его теория – это реакция на западнические настроения широких слоев российского общества, лишаящие, с его точки зрения, Россию самобытности и обрекающие ее на подчиненное положение по отношению к европейской культуре. Данилевский – один из зачинателей существующей у нас в стране интеллектуальной традиции, согласно которой Запад безнадежно

болен, обречен на загнивание и гибель, а Россия, славянство, напротив, полны жизни и способны дать пример всему человечеству. Данной идее и подчинены его философия истории, философия культуры и социология государства.

Методология Данилевского тяготеет к контовской классификации наук, хотя и со своими особенностями. Выделяются две группы наук: к первой относятся науки, вырабатывающие общие теории, ко второй – способные отыскивать лишь частные законы. Науки первой группы дают результаты наиболее общего характера, пригодные для использования всеми остальными науками, достижение наук второй группы имеет значение только для отдельного явления и в рамках определенной отрасли знания. Науки первой группы имеют своим предметом “общие мировые сущности, безотносительно к специальным формам, в которые они облечены. Таких общих мировых сущностей три: материя, движение и дух. Изучение материи самой в себе составляет предмет химии; изучение движения — предмет физики; изучением духа, безотносительно к его частным проявлениям, должна заниматься метафизика”³. Последняя, однако, представляется Данилевскому сомнительной, дух можно обнаружить только в человеке, а он единичен, его не с чем больше сравнивать. Поэтому вместо метафизики предлагается психология – наука, имеющая вполне предметное, эмпирически выраженное поле деятельности. Таким образом, общетеоретических наук три – химия, физика, психология, из которых черпаются первоначальные законы, действующие во всех сферах природного и социального бытия.

Все остальные науки, по Данилевскому, локальны, т.е. не могут претендовать на общетеоретические открытия, а ограничиваются лишь сравнительным изучением однородных явлений. К ним относятся оставшаяся часть естественных наук (например, ботаника, зоология, физиология, анатомия) и все общественные науки (история, социология, филология и др.). Локальность общественных наук (прежде всего социологии) определяется объектом исследования: поскольку он уникален, установить законы и взаимосвязи возможно только на ограниченном историческом и культурном пространстве. Методология общественных наук должна быть, с его точки зрения, максимально приближена к естествознанию (за основу предлагается взять зоологию и ботанику), поскольку метод сравнения здесь наиболее

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. М., 2003. С. 183.

развит. Вместе с тем наряду со стремлением к естественнонаучной точности и строгости Данилевский, на словах отвергший метафизику, фактически на нее опирается. Так, рассуждает он, общественные науки локальны потому, что изучают исключительно форму, а она всегда индивидуальна и отражает так называемый морфологический принцип, идеальный по своей природе. Иными словами, общественные науки призваны выявлять законы социальных явлений, которые обусловлены некими метафизическими, сверхприродными началами. Социальные законы, таким образом, не отвергаются, но их природа выносится за пределы эмпирического мира. Такая методологическая установка шла, конечно, вразрез с подлинной научностью, но понять ее назначение в теории Данилевского можно: введенное им понятие культурно-исторического типа требовало неких аксиом, гипотез, которые доказать было трудно, а опираться на них необходимо. Идея морфологического принципа и являлась такой аксиомой.

Основной материал для своих исследований Данилевский черпает из истории, изучать которую он предлагает на основе “естественной системы”, т.е. системы, отражающей сущность изучаемой вещи. Логика исторического исследования должна опираться на три принципа: 1) “принцип деления должен обнимать собой всю сферу делимого, входя в нее как наисущественнейший признак”; 2) “все предметы или явления одной группы должны иметь между собой большую степень сходства или сродства, чем с явлениями или с предметами, отнесенными к другой группе”; 3) “группы должны быть однородны, то есть степень сродства, соединяющая их членов, должна быть одинакова в одноименных группах”⁴. Применение данных принципов в познании истории ломает, по Данилевскому, сложившуюся в европейской исторической науке периодизацию истории. Европейские ученые, разделяя историю на древнюю, среднюю и новую, опирались на материал одной, по сути, цивилизации, одного культурно-исторического типа, а именно – европейского. Градации и векторы европейской истории, специфические черты европейской цивилизации механически переносились на всемирную историю, серьезно искажая картину мира: “Судьбы Европы, или германо-романского племени, были отождествлены с судьбами всего человечества. Немудрено, что из этого нарушения правил естественной системы вышло совершенное искажение пропорций исторического здания, что линии его потеряли всякую соразмерность и

гармонию”⁵. Отсюда вывод, который делает Данилевский: каждая цивилизация имеет свою историю с присущими ей особенностями и фазами развития, а группировать исторические явления следует по культурно-историческим типам.

После создания новой методологической платформы делаются утверждения принципиального характера. Во-первых, заявляет Данилевский, единого человечества нет, это – абстракция, высшая человеческая единица – культурно-исторический тип, так как именно с ним, а не с абстрактным человечеством связан каждый конкретный человек. Франция, Англия, Германия были единицами только в политическом смысле, “культурной единицей была Европа в целом”: «Слова “европейский интерес” не есть пустые слова для француза, немца или англичанина, а имеют смысл, каждому из них понятный, независимо от интересов Англии, Германии или Франции, которые, будучи здраво поняты, не могут и противоречить более общим интересам Европы»⁶.

Во-вторых, нет никакого единого прогресса человечества, где народы как бы выстраивались в иерархию от низших к высшим: “Прогресс... не составляет исключительной привилегии Запада, или Европы, а застой – исключительного клейма Востока, или Азии; тот и другой суть только характеристические признаки того возраста, в котором находится народ, где бы он ни жил, где бы ни развивалась его гражданственность, к какому бы племени он ни принадлежал”⁷. Бесконечный прогресс, по Данилевскому, есть величайшая нелепость. “Прогресс... состоит не в том, чтобы идти все в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях. Поэтому ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами, во всех сторонах развития”⁸. Фактически теория прогресса заменяется здесь на эволюционизм, где критерии совершенствования снимаются, а историю народа или цивилизации предлагается рассматривать как природные фазы развития биологического организма. “Народу одряхлевшему, отжившему, свое дело сделавшему и которому пришла пора со сцены долой, ничто не поможет, совершенно независимо от того, где он живет – на Востоке или на Западе.

⁵ Там же. С. 105.

⁶ Там же. С. 128.

⁷ Там же. С. 97.

⁸ Там же. С. 134.

⁴ Там же. С. 101.

Всеми живущему, как отдельному неделимому, так и целым видам, родам, отрядам животных или растений – дается известная только сумма жизни, с истощением которой они должны умереть. Геология и палеонтология показывают, как для разных видов, родов, отрядов живых существ было время зарождения, наивысшего развития, постепенного уменьшения и, наконец, совершенного исчезновения. Как и почему это так делается – никто не знает, хотя и стараются объяснить на разные лады. В сущности же, это остарение, одряхление целых видов, родов и даже отрядов не более удивительно, чем смерть отдельных индивидуумов, настоящей причины которой также никто не знает и не понимает. История говорит то же самое о народах: и они нарождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют, умирают – и умирают не от внешних только причин. Внешние причины, как и у отдельных лиц, по большей части только ускоряют смерть больного и расслабленного тела, которое в состоянии крепости сил, в пору юношества или мужества, очень хорошо перенесло бы их вредоносное влияние. Внешние причины помогают также разложению после смерти как растительных и животных, так и политических организмов. Но иногда, хотя в редких случаях, потому ли, что вредоносные внешние влияния действуют слабо, или организм успешно им противится, умирает он тем, что называется естественной смертью или старческой немощью⁹. “Плод, – рассуждает Данилевский, – есть по преимуществу дар начала осени, а цвет – по преимуществу дар конца весны”¹⁰. Так же и цивилизации: зародыш государственности, философии или науки говорит о ранней фазе ее развития, принесенные плоды – об эпохе умирания. Культурно-исторический тип Европы, например, дав “изобилие плодов” и “роскошь цивилизации”, демонстрирует упадок. Таким образом, теория культурно-исторических типов предлагает не бесконечный прогресс человечества как единого целого, а равноправное со своим историческим временем сосуществование цивилизаций, фатально развивающихся от своего рождения к гибели. История человечества представляет собой не прогресс, а цикл, не линейное развитие единого организма, а циклический водоворот сменяющих друг друга цивилизаций.

В-третьих, культурно-исторические типы цивилизаций уникальны: “Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее

для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций”¹¹. Данилевский хочет сказать, что критерии совершенства, выработанные в рамках одного типа культуры, не могут быть применимы к другому типу. Здесь, понятно, имелась в виду цель уйти от традиционного сравнения Запада и России с тем, чтобы не подчеркивать отсталость последней.

Предлагаемые Данилевским социальные законы, вытекающие из теории культурно-исторических типов, радикально ломали либерально-демократическую идейную платформу, берущую свое начало в эпохах Возрождения и Просвещения. Отказ от идеи единого человечества ставил под сомнение универсализм таких европейских ценностей, как права человека, политические и гражданские свободы, равенство перед законом и судом, демократия и правовое государство. Поскольку каждый культурно-исторический тип самоценен и вырабатывает собственные критерии совершенства, гуманизм и варварство, деспотический способ правления и демократия, правовое государство и полицейское уравнивались в ценностном отношении. Если нет прогресса в организации политико-правовых институтов, все заканчивается разложением и гибелью, то государство и право конкретной страны воспринимались в основном как функция безличной социальной материи, критиковать которую не имело смысла. При такой, казалось бы, дегуманизации взглядов в остатке оставался, тем не менее, строго научный подход – структурно-функциональный анализ государства и права. Убежденность в локальности социальных законов могла, конечно, рассматриваться как методологический изъян (ведь не все же социальные законы локальны), однако в этой установке было много правды. Действительно, так называемые социологические законы зачастую избилуют либо многочисленными исключениями, либо очевидными натяжками в ущерб фактам. Данилевский в чем-то был ближе к истине, чем, например, Гегель или Гердер, исходившие в своих исторических концепциях из единства человеческой истории.

Если сама идея культурно-исторического типа во многом представляется плодотворной, то предложенную Данилевским классификацию таких типов строгой не назовешь, ее критерии аморфны и нечетки. “Отыскание и перечисление этих типов, – рассуждает он, – не представляет никакого затруднения, так как они общеизвестны. За ними

⁹ Там же. С. 96, 97.

¹⁰ Там же. С. 197.

¹¹ Там же. С. 115.

не признавалось только их первостепенного значения, которое, вопреки правилам естественной системы и даже просто здравого смысла, подчинялось произвольному и, как мы видели, совершенно нерациональному делению по степеням развития. Эти культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации, расположенные в хронологическом порядке, суть: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) новосемитический, или аравийский и 10) германо-романский, или европейский. К ним можно еще, пожалуй, причислить два американских типа – мексиканский и перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие совершить своего развития”¹². Главный критерий здесь – “положительный вклад в историю человечества”, что звучит, конечно, очень абстрактно. Названные культурно-исторические типы делятся на преемственные (египетский, ассирийско-вавилонско-финикийский, греческий, римский, еврейский и германо-романский, или европейский) и уединенные (китайский и индийский). Первые были связаны между собой и оказывали друг на друга влияние, вторые формировались и существовали автономно. Поскольку преемственность, пишет Данилевский, обеспечивала кумулятивный прирост культуры, наиболее ярко проявившийся в европейской цивилизации, обыденное сознание делает на этом основании вывод о прогрессе культуры Запада и застое Востока, что неверно: “И эти уединенные культурно-исторические типы развивали такие стороны жизни, которые не были в той же мере свойственны их более счастливым соперникам, и тем содействовали многосторонности проявлений человеческого духа, – в чем, собственно, и заключается прогресс”¹³.

Помимо народов, образовавших культурно-исторические типы, выделяются еще две группы, проявившие себя в истории менее заметно. Одни (гунны, монголы, турки) остались в истории только потому, что помогли умереть другим великим цивилизациям. Совершив свою отрицательную деятельность, они “скрылись в полное ничтожество”. Другие никак себя не проявили и служат лишь чужим целям в качестве этнографического материала (например, финские племена). “Иногда, – замечает Данилевский, – нисходят на эту ступень этнографического материала умершие и разложившиеся культурно-исторические типы в

ожидании, пока новый формационный (образовательный) принцип опять не соединит их в смеси с другими элементами в новый исторический организм, не воззовет к самостоятельной исторической жизни в форме нового культурно-исторического типа. Так случилось, например, с народами, составлявшими Западную Римскую империю, которые и в своей новой форме, подвергшись германскому образовательному принципу, носят название романских народов”¹⁴.

Дальнейшую классификацию культурно-исторических типов Данилевский выстраивает на основе так называемых “разрядов культурной деятельности”. Состав культурно-исторического типа включает четыре вида деятельности: 1) религиозную; 2) культурную; 3) политическую; 4) общественно-экономическую. Вклад каждой цивилизации в общую культуру человечества измеряется тем, как далеко ей удалось продвигаться в данных направлениях. К первой группе цивилизаций относятся так называемые первичные (аутохтонные) цивилизации (Египетская, Китайская, Вавилонская, Индийская, Иранская), которые сами себя построили, были подготовительными, имели своей задачей выработать условия, при которых становится возможной жизнь в организованном обществе. Они не проявили себя ни в одной из разрядов культурной деятельности, все разряды у них были смешаны. Вторую группу составляют одноосновные цивилизации, развившие только одну из сторон культурной деятельности: еврейская – религиозную, греческая – культурную, римская – политическую. Двухосновный культурно-исторический тип один – европейский (германо-романский) “с преимущественно научным и промышленным характером культуры”. Трехосновной цивилизации Данилевский не называет, но выражает уверенность, что полным, четырехосновным культурно-историческим типом в недалеком будущем станет славянство во главе с Россией. “Вся историческая аналогия говорит, следовательно, что и славяне, подобно своим старшим, на пути развития, арийским братьям, могут и должны образовать свою самобытную цивилизацию, что Славянство есть термин одного порядка с эллинизмом, латинством, европеизмом, – такой же культурно исторический тип, по отношению к которому Россия, Чехия, Сербия, Болгария должны бы иметь тот же смысл, какой имеют Франция, Англия, Германия, Испания по отношению к Европе, какой имели Афины, Спарта, Фивы по отношению к Греции”¹⁵.

¹² Там же. С. 111.

¹³ Там же. С. 112.

¹⁴ Там же. С. 113.

¹⁵ Там же. С. 149.

Данная классификация представляет интерес своей попыткой рассмотреть состав цивилизации с социологической точки зрения как совокупность системно связанных между собой частей. Так, искусство предшествует научной деятельности, наука, в свою очередь, с гораздо большей полнотой способна передаваться от одного культурно-исторического типа к другому. Но ключевая роль из названных четырех элементов отводится политической деятельности, так как важнейший признак цивилизации – способность народа создать свое государство. Культурно-исторический тип, разъясняет Данилевский, имеет два этапа в своем развитии: этнографический (наиболее длинный, характерен накоплением сил и формированием специфических свойств в языке, психологии и быте) и период цивилизации (государственный; он более короткий, народы в это время растрачивают свой запас сил). Только политическая самостоятельность способна поднять народ (или народы) на уровень цивилизации. Без своего государства, утверждает автор, цивилизация ни начаться, ни развиваться, ни укрепиться не может, самобытность национальной культуры невозможна¹⁶. «Нет ни одной цивилизации, которая бы зародилась и развилась без политической самостоятельности, хотя, достигнув уже известной силы, цивилизация может еще несколько времени продолжаться и после потери самостоятельности, как видим на примере греков. Явление это, из которого нет ни одного исключения в истории, понятно, впрочем, и само по себе. Та же причина, которая препятствует развитию личностей в состоянии рабства, препятствует и развитию народностей в состоянии политической зависимости, так как в обоих случаях индивидуальность, имеющая свои самостоятельные цели, обращается в служебное орудие, в средство для достижения чужих целей. Если такие обстоятельства застигнут личность или народность в раннем возрасте развития, то очевидно, что самобытность их должна погибнуть»¹⁷.

Теория культурно-исторических типов ставит в полный рост проблему соотношения государства, национальной культуры, национального самосознания и правосознания. Для внешнего наблюдателя государство зачастую представляется механическим средством физического подчинения лиц установленному правопорядку. Армия, полиция, суд, администрация – вот зримые проявления государства, предстающие обыденному сознанию и выступающие в целом убедительной

эмпирической базой для достоверного определения свойств такого феномена, как государство. Вместе с тем не следует забывать одну простую и очевидную истину, что государство – это люди, организация людей, связанных между собой сознанием, эмоциями и волей. Государство есть мир духовной культуры, это – духовная связь, устанавливаемая между людьми посредством традиций, языка, совместных ценностей, нравов и единого для всех быта. Индивид включается в жизнь государства прежде всего на уровне сознания, в качестве субъекта той или иной культурной деятельности. Поэтому правильно будет сказать, что между народом и государством существует духовная связь, выраженная в господствующей национальной культуре. Вот об этом и говорит Данилевский, устанавливая связь между народом (нацией) и государством посредством категории культурно-исторического типа. Так, народы, с его точки зрения, даже и очень близкие между собой, но сознающие себя особыми политическими целями, не могут сложиться в одно государство. Только та нация, рассуждает он, имеет право на государственное существование, которая дорастает до осознания этого права. Если такая нация, создавая государство, встречает политически неразвитые нации, она включает их в свое политическое тело, не спрашивая их согласия (например, русские включили в свой состав финские племена, не покоряя их). Поскольку у народа есть только одна культура, он может создать лишь одно государство. Два государства, образованные одним народом, – аномалия, противоречащая природе государства (например, Англия и США, созданные одним народом). Яркий пример взаимного влияния культуры и государства – борьба народа за свою независимость, поскольку в данном случае речь идет о защите своей свободы, чести и достоинства – вещей, очевидно, нематериальных. В конечном счете Данилевский подводит к верной мысли о том, что борьба государств – это борьба культур, где побеждает нация с более высоким уровнем духовной организации¹⁸.

Еще раз следует подчеркнуть, что теория культурно-исторических типов Данилевского дала новый интересный материал для социологии государства, расширив ее предметное поле. Вместе с тем следует согласиться и с Н.И. Кареевым, указавшим на ряд существенных противоречий предложенной концепции. С одной стороны, рассуждает социолог, отрицается возможность общей общественной теории, с другой – претензия на универсальный характер культурно-историче-

¹⁶ См.: там же. С. 132, 135, 544.

¹⁷ Там же. С. 116, 117.

¹⁸ См.: там же. С. 251, 252, 256, 532.

ской типологии. Общественные науки, по Данилевскому, имеют исключительно национальный характер, но сам автор пытается создать систему, вбирающую в себя все человечество. Для защиты своих положений Данилевскому «приходится отрицать историческую индивидуальность европейских наций во имя общего “европейского типа”, их поглотившего, и приходится отрицать общую историю разных народов, поскольку она возможна при взаимодействии и преемстве наций, – отрицать на этот раз во имя индивидуальности типов»¹⁹.

Другим крупным представителем теории циклов был К.Н. Леонтьев, философ истории и культуры, публицист и писатель. Так же, как и Данилевский он не был профессиональным социологом, но его концепция задавала новый угол зрения при рассмотрении государства и права, тем самым наполняя социологический подход новым содержанием. Н.А. Бердяев дает ему точную характеристику как ученому и философу: “Леонтьев, романтик и мистик в корне своем, выступает в роли защитника своеобразного социологического реализма и даже натурализма. Он сторонник органической теории общества и набрасывает оригинальную теорию развития (не без влияния гораздо менее даровитого Данилевского). В вопросе об органическом развитии общества мы постоянно встречаем у Леонтьева ультрареалистические и ультрапозитивные аргументы, несколько странные для мистика, но привычные для людей иного направления”²⁰. “Теория Леонтьева есть разновидность органической теории общества и вместе с тем исторический фатализм. Подобно позитивистам, он не признает прогресса, а только развитие, эволюцию. Он гордится своим объективным, бессердечным, жестким реализмом и подозрительно много говорит о своей научности, о натуралистическом своем отношении к человеческим обществам, к государственным организациям. У Леонтьева нет и тени научного реализма, и страстная натура его менее всего была способна к объективности, да и подготовки у него не было надлежащей для научно-социологических исследований. Ему нужно было во что бы то ни стало отстранить ненавистную идею всеобщего благоденствия, торжества правды и счастья на земле путем освободительного и уравнивающего прогресса. Во имя этой субъективной, страстной,

совсем не реальной и не научной цели он и схватился за совершенно несостоятельную органическую теорию развития и умирания наций и государств. Кроме натуралистической социологии у Леонтьева была еще мистическая философия истории; служили они одной и той же цели, но совершенно не были между собой связаны”²¹.

С такой оценкой в целом следует согласиться, поставив, однако, под сомнение тезис об отсутствии у Леонтьева “научного реализма”. Несмотря на то что методология этого автора представляет собой эклектический симбиоз позитивизма и христианской эсхатологии, ему как раз не откажешь в трезвом взгляде на многие явления государственной жизни, и научный (в данном случае – социологический) компонент в его концепции, конечно, присутствует. Подобно Данилевскому политический и идеологический пафос Леонтьева направлен в защиту России и ее традиционных (по преимуществу средневековых) форм политической культуры. Он создает реакционную утопию как некую альтернативу современному ему пути развития страны. Считая теорию культурных типов Данилевского подлинным открытием, ему представляется спорной его гипотеза о будущей роли славян и их возможности стать четырехосновой цивилизацией. На место идеи славянского единства ставится приверженность византизму. Народ, с точки зрения Леонтьева, не способен организовать на основе только этнической общности, для организации в государство ему необходимы ценности: “Чисто же племенная идея... не имеет в себе ничего организующего, творческого; она есть не что иное, как частное перерождение космополитической идеи всеравенства и бесплодного всеблага”²². Совсем другое дело – византизм, под которым понимается совокупность “религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных идей”, а проще говоря – политико-идеологическая модель византийской империи, заключающая в себе союз царя, церкви и народа”²³.

Приверженность реакционной утопии потребовала от Леонтьева отказаться от теории прогресса и заменить ее эволюционизмом. Как отмечалось выше, эволюционизм родился в общественной науке как попытка отыскать источник развития социальных явлений в них самих. Затем эволю-

¹⁹ Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов // Кареев Н.И. Философия истории в русской литературе. М., 2015. С. 100.

²⁰ Бердяев Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // Леонтьев К.Н.: pro et contra. Кн. 1. СПб., 1995. С. 216.

²¹ Там же. С. 217.

²² Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 124.

²³ Там же. С. 94.

ционизм воспринимает биология (Ч. Дарвин) и уже в виде биологических концепций начинает оказывать влияние на обществоведение. Леонтьев – по образованию врач, его потребность смотреть на мир социальных явлений через призму естествознания выглядит вполне нормальной, его эволюционистская установка смотрится как вещь естественная. Вместе с тем представляется, что обращение автора к эволюционизму в первую очередь было вызвано его политико-идеологическими и ценностными ориентирами. Если классический эволюционизм (например, у Спенсера) в ценностном отношении был нейтрален, то эволюционизм Леонтьева был сильно мотивирован его политическими и идеологическими установками. Эволюционизм ему потребовался, чтобы обосновать свою утопию. В данном случае эволюционизм был пронизан ценностными установками точно так же, как и теория прогресса, с той только разницей, что первый обосновывал движение в прошлое, а вторая – в будущее. Вместе с тем независимо от идейной направленности эволюционизм Леонтьева имел научный, социологический компонент, поскольку предлагал концепцию динамической стороны жизни государства.

Все органические явления, доказывает Леонтьев, подчинены одному закону развития – от простого к сложному: “Присматриваясь ближе к явлениям органической жизни, из наблюдений которой именно и взялась эта идея развития, мы видим, что процесс развития в этой органической жизни значит вот что.

Постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, постепенная индивидуализация, обособление, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой – от сходных и родственных организмов, от всех сходных и родственных явлений. Постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности. Постепенное осложнение элементов составных, увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства. Так что высшая точка развития не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях, есть высшая степень сложности, объединенная неким внутренним деспотическим единством”²⁴. После достижения организмом высшей точки своего развития наступает период распада: составные части явления уменьшаются в числе, упрощаются, ослабляются их единство и сила, они смешиваются и, наконец, явление или процесс гибнут. Любое явление (в том числе нация, государство,

цивилизация), подчеркивает Леонтьев, развивается от простого к сложному, затем опять к простоте и окончательному распаду. Таким образом, периодов развития любого органического явления три: 1) первичной простоты; 2) цветущей сложности; 3) вторичного смесительного упрощения, за чем следует гибель²⁵. Налицо – циклическая модель развития мира, которой Леонтьев предлагает руководствоваться при рассмотрении истории обществ и государств.

Предмет пристального внимания Леонтьева – государства Европы и Россия, для оценки которых и потребовалась теория циклов. С целью увязать последнюю со своими реакционными представлениями о политике и государстве он пытается использовать метафизику Платона и Аристотеля. Развитие и гибель государства, рассуждает философ, обнаруживаются в его форме. Она представляет собой выражение идеи, заключенной в материи (содержании). Форма организует социальную материю, не давая частям целого разбежаться. По своей природе форма всегда деспотична, ослабление давления с ее стороны влечет за собой распад и гибель государства. Подлинная форма государства достоверно определяется лишь в период цветущей сложности. “Государственная форма у каждой нации, у каждого общества своя; она в главной своей основе неизменна до гроба исторического, но меняется быстрее или медленнее в частности, от начала до конца”²⁶. Предельный срок жизни государственных организмов составляет 1000–1200 лет или чуть более. Культуры, соединенные с государствами, большей частью переживают государства. Европейские государства переступили за роковые 1000 лет: они возникают в IX–X вв. при Карле Великом, достигают цветущей сложности в XIV–XVII вв. (отчасти XVIII в.), в XIX в. начинается упадок. С этого времени европейская цивилизация, делает вывод Леонтьев, идет по пути упрощения, смещения и однообразия, свидетельство чему – становление буржуазной демократии. “Вместо организованного разнообразия больше и больше распространяется разложение в однообразие! Факт этот, кажется, несомненен; исход может быть сомнителен, я не спорю; я говорю только о современном явлении, и если я сравню эту картину с картинами всех древних государств перед часом их гибели, я найду и в истории Афин, и в истории Спарты, и всей Эллады, и Египта, и Византии, и Рима одно только общее, именно под конец: уравнение, всеобщее понижение, смещение, круглые, притер-

²⁴ Там же. С. 125, 126.

²⁵ См.: там же. С. 127–129.

²⁶ Там же. С. 132.

тые взаимно голыши, вместо резких кристаллов, дрова и семена, годные другим новым мирам для топки и для пищи, но не дающие уже прежних листьев и цвета”²⁷. Государства Европы “испортили у себя более или менее в частностях ту государственную форму, которая выработалась у них в период цветущей сложности. Они все постепенно изменили той системе отвлеченных, вне личного субъективного удовольствия постановленных идей, которые выработались в эпоху морфологическую и вознеслись над ними как знамя, как великая руководящая тень”²⁸. Движение в сторону равенства и свободы от сословий, цехов, монастырей, имущественного неравенства, заключает Леонтьев, есть движение от цветущей сложности к простоте, т.е. к гибели. Природа выдумала прогресс как движение от простейшего к сложнейшему, а не наоборот²⁹. Леонтьев подчеркивает, что вторичное упрощение и вторичное смешение, проявившиеся в демократии, суть признаки, а не причина государственного разложения. Причина же состоит в том, что европейцы изменили идею, вызвавшей к жизни великую государственную культуру Запада. Предпочтя свободу и равенство дисциплинирующей идее абсолютизма, западные народы перешли к стадии распада своей государственности.

Если процесс разложения европейских государств – состоявшийся факт, то в России демократические тенденции еще слабы, и потому следует максимально предохранить ее государственность от либерального и революционного брожения. Россия, признает Леонтьев, также уже стара, и она погибнет когда-нибудь, но благодаря православию и монархизму еще способна жить довольно долго. У русского народа есть преимущества перед остальным миром: он имеет подлинную веру и привычку к повиновению. Эти два качества позволят русскому народу, по логике Леонтьева, максимально продлить цикл цветущей сложности. В этой связи философ отводит России мессианскую роль (одна из стойких традиций русского консервативного сознания): в качестве хранителя византизма (подлинной государственной идеи) возглавить борьбу с Сатаной, антихристом в лице республики, демократии, анархизма и коммунизма³⁰.

Здесь наблюдается противоречие, на которое указал еще Н.А. Бердяев: “То он понимал мировой процесс натуралистически, то мистически. Он поклонялся силе, красоте, героизму, индивидуальному цвету жизни и наряду с этим смирялся перед монашеским христианством. Его пугал ужас конца, предела, и он хватался за византийскую гниль в порыве отчаяния, из надлома, из духа противоречия кому-то и чему-то”³¹. Налицо конфликт между теорией циклов (античной идеей вечного возвращения) и линейным восприятием времени, заданным христианской эсхатологией. С одной стороны, признается необходимость гибели государств (в том числе европейских и России), с другой – сетования на их переход в стадию разложения, как будто возможно остановить этот процесс распада и гибели. Не вполне понятно, какую цель преследует Леонтьев, предлагая борьбу с демократией, ведь в результате все закончится эпохой смешения и, наконец, гибелью. По-видимому, прав Бердяев, который указывал на сложность чувств Леонтьева: с одной стороны, сетования, с другой – удовольствие от мысли, что мир идет к своей гибели, реализуя замысел Божий о конце мира и Страшном суде³². Для Леонтьева идея эсхатологии оказывается много важнее, чем борьба с демократией и политическим разложением.

Социально-политический идеал Леонтьева – русское средневековье. Чтобы продлить стадию цветущей сложности, необходимо вернуться в эпоху Московского царства, восстановить крепость сословий, силу царской и церковной власти, свести к минимуму сферу человеческой свободы. «Чтобы русскому народу действительно пребыть надолго тем народом “богоносцем”, от которого ждал так много наш пламенный народолюбец Достоевский, – он должен быть ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен. Не надо лишать его тех внешних ограничений и уз, которые так долго утверждали и воспитывали в нем смирение и покорность. Эти качества составляли его душевную красу и делали его истинно великим и примерным народом. Чтобы продолжать быть и для нас самих с этой стороны примером, он должен быть сызнова и мудро стеснен в своей свободе; удержан свыше на скользком пути эгалитарного своеволия. При меньшей свободе, при меньших порывах к равенству прав будет больше серьезности, а при большей серьезности будет гораздо больше и того истинного достоинства в смирении, которое его так красит»³³. Читая эти

²⁷ Там же. С. 142.

²⁸ Там же. С. 142, 143.

²⁹ См.: там же. С. 130, 151.

³⁰ См.: *Леонтьев К.Н.* Владимир Соловьев против Данилевского // *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). С. 510, 511; *Его же.* Над могилой Пазухина // Там же. С. 680, 681.

³¹ *Бердяев Н.А.* Указ. соч. С. 219.

³² См.: там же. С. 220, 221.

³³ *Леонтьев К.Н.* Над могилой Пазухина. С. 684.

строки, вспоминается социократия Конта, которая также строилась на четкой структуре, твердом порядке и крепкой функциональной связи между сословиями. Социократия – это, конечно, утопия, но созданная социологом, стремившимся наполнить социальную статику и динамику конкретным содержанием. Леонтьев – также утопист, но отчасти и социолог: ему важно создать устойчивую социальную модель для России, для чего он использует структурно-функциональный подход и теорию эволюционизма. Сам Леонтьев, набрасывая черты своего реакционного проекта, вспоминает не Конта, а диалог Платона “Государство”. Модель древнегреческого философа, как ему представляется, универсальна, поскольку отражает трехосновность любого нормального государства и общества: духовное рассуждение, храбрость и власть, вещественный труд и повиновение³⁴.

С позиции теории циклов, эволюционизма и эсхатологизма Леонтьев критикует “главные язвы” современного мира – капитализм, анархизм и социализм. Капитализм не устраивает философа потому, что он сломал феодализм – лучшую социальную форму для Европы и России. Устранение сословных перегородок, установление рыночных отношений, свободы и равенства обернулись не только началом процесса разложения, но также возникновением двух ложных учений – социализма и анархизма. (Леонтьев дает им вульгарное толкование и четкого различия между ними не проводит.) Социализм и анархизм есть естественное следствие буржуазного эгоизма и индивидуализма, а потому также отражают процесс распада. Если капитализм, по мысли философа, разрушил феодальное землевладение, ввел землю в рыночный оборот и установил юридическое равенство, то социализм, напротив, имеет целью устранить рыночное хозяйство (в том числе в области землевладения) и ввести материальное равенство, что неизбежно обернется юридическим неравенством. Последнее видится Леонтьеву чуть ли не полным порабощением личности и свертыванием всех свобод. Так что, с одной стороны, социализм и анархизм есть проявление всеобщего упадка, но, с другой – они ведут к социальной организа-

ции, близкой к феодализму, что философа радует: “Теперь коммунисты (и, пожалуй, социалисты) являются в виде самых крайних, до бунта и преступлений в принципе неограниченных, либералов; их необходимо казнить, но сколько бы мы их ни казнили, по нашей прямой и современной обязанности, они, доводя либерально-эгалитарный принцип в лице своем до его крайности, обнажая, так сказать, его во всей наготе его, служат бессознательную службу реакционной организации будущего. И в этом, пожалуй, их косвенная польза даже и великая”³⁵. Таким образом, цикличность европейской истории проявляется, по Леонтьеву, и в том, что социализм и анархизм ведут к “новому феодализму”. “Цветущая сложность” европейского абсолютизма еще может на какое-то время вернуться и задержать наступление периода “упрощения и смешения”.

Концепции Данилевского и Леонтьева подводят к мысли о том, что линейная и цикличная модели есть некая условность, одновременно отвергаемая и подтверждаемая фактами истории. Очевидно, что эволюция государства и права – линейный процесс, содержащий развитие, усложнение, повышение мощи и эффективности данных институтов. Вместе с тем мировая история демонстрирует бесконечный цикл рождения, созревания, расцвета, деградации и краха национальных государств и их права. Возникавшие когда-либо государства до сих пор имели только один главный вектор своего развития – по направлению к деградации и краху. История каждого национального государства и права уникальна и в этом смысле поступательна, необратима, линейна. Во всемирной истории государства и права можно обнаружить циклические зависимости, которые никак не могут претендовать на универсальность и абсолютность. В данном случае цикличность нужно рассматривать как частный случай линейности. Здесь важно понимать, что оппозиция “линейность – цикличность” имеет значение лишь на отрезке обозримого нами прошлого и будущего, с позиции вечности данная оппозиция полностью теряет свою актуальность.

³⁴ См.: *Леонтьев К.Н.* Владимир Соловьев против Данилевского. С. 474.

³⁵ *Леонтьев К.Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). С. 424.